

Телевидение из Останкино

К середине 1950-х годов стало ясно, что старая, построенная еще до войны, Шуховская радио-, а затем переделанная в телевизионную, башня не справляется — и высота мала, и аппаратные тесны. Однако принятие решения задерживалось из-за того, что никак не могли согласовать, какую выбрать новую передающую антенну и где ее разместить. Отец порекомендовал Черемушки, оттуда, с возвышения, вся Москва как на ладони, не потребуется возводить сверхвысокую конструкцию и удастся сэкономить немалые средства. Моссовет даже успел место подыскать, но когда копнули поглубже, копнули в самом прямом значении этого

слова, оказалось, что там башню строить нельзя: грунт не выдержит, сооружение сползет в Москва-реку. Отодвигать телебашню вглубь тоже не имело смысла: крутой склон над излучиной в районе Лужников затенял практически весь центр города.

Строители предложили уйти в низину. Так надежнее, хотя, чтобы охватить всю Москву с Подмосковьем, необходимая высота башни существенно возрастет, почти до полукилометра. Отец согласился.

Подыскивали две подходящие площадки, обе на северо-западе: одну в Екатерининском парке, тогда парке имени Дзержинского, другую – на территории Останкинского питомника зеленых насаждений. Отец пожалел парк и высказался за второй вариант.

Так московская телевизионная «игла» стала Останкинской башней, вернее не стала, а только собиралась стать. Пока же строители спорили: делать башню стальной, наподобие Эйфелевой, или железобетонной. Большинство выступало за сталь, так и привычнее, и надежнее. Они сомневались, выдержит ли бетон, даже напряженный, столь огромную нагрузку. 573 метра – не шутка, даже американцы на такое не замахивались. Проектировщики доказывали, что выдержит и к тому же в эксплуатации окажется удобнее. Стальную башню придется периодически отскребать от ржавчины и красить. Эйфелеву башню чистят и перекрашивают непрерывно, пока бригада доберется до верха, внизу начинает проступать ржавчина. И так без конца. Бетон же в покраске не нуждается, в отличие от стали, он – материал вечный.

Договориться стороны не смогли, и Посохин апеллировал к отцу. Собрали совещание. Первыми докладывали «металлисты», затем слово предоставили «бетонщикам». И у тех, и у других аргументы звучали весомо. «Металлисты» повторили свои доводы, главный из которых – никто еще таких высоких башен из бетона не строил, призывали не рисковать. «Бетонщики» настаивали, что риск оправдан, вернее – его почти нет, а экономия будет весьма ощутимой, и вообще в недалеком будущем весь мир перейдет на бетон. Или они последуют нашему примеру, или мы, как обычно, поплетемся у них в хвосте. В общем, столкнулись две школы, два технических направления, которые никогда и ни в чем не приходят к согласию, В зависимости от уровня развития технологий и других обстоятельств верх берут то одни, то другие.

Отец к тому времени и сам неплохо разбирался в плюсах и минусах конструкций из стали и напряженного железобетона. Аргументы и расчеты бетонщиков его убедили. Он сделал выбор. Останкинскую башню решили строить из напряженного железобетона.

Отец рисковал. В случае успеха никто о его выборе и не вспомнит. А вот если «металлисты» окажутся правы: башня треснет, покосится или, не дай бог, рухнет, то виноватым окажется он. Отец пошел на риск сознательно, с ним всегда сопряжено новое, но не на безумный риск ради риска. Он хорошо знал высокую квалификацию московских ученых-бетонщиков, верил им и их расчетам.

Приступили к работе. Фундаментом и другими конструктивными решениями занимался инженер Николай Никитин, автор фундаментов всех московских высоток. Саму башню, напоминающую одним перевернутый цветок, а другим рюмку, проектировали архитекторы Л. Баталов и заместитель Посохина, Дмитрий Бурдин.

В 1960 году начали рыть котлован. Через год работы застопорились, снова засомневались в прочности московских грунтов, не «поплывут» ли они, не покосится ли опирающаяся на них башня, как Пизанская. Сомневались почти два года. Окончательный проект утвердили только 22 марта 1963 года, и работы возобновились.

Отец несколько раз ездил на стройку, обычно в выходной. Однажды и я увязался за ним. Отец почти час ходил по загроможденной строительной техникой площадке, присматривался, дотошно расспрашивал Никитина. Наверное, и его грызли сомнения, ведь нагрузки фантастические, вес всей конструкции к тому времени достиг 55 тысяч тонн. Расчеты рас-

четами, но ведь строим мы первыми. Никитин заверил отца, что грунт и бетон выдержат. И бетон выдержал. Он оказался прав, а риск оправданным. После Останкинской по всему миру начали строить железобетонные телебашни.

Закончили строительство Останкинской башни к сорокалетию Советской власти, уже после отца. Ленточку перерезали в ноябре 1967 года. Выступавшие на митинге о Хрущеве, разумеется, не вспоминали.

Года через два после открытия отец с обретенным уже после отставки другом, профессором-эндокринологом Михаилом Александровичем Жуковским, съездил «полюбоваться» на башню. Предусмотрительный Михаил Александрович загодя позвонил в телецентр, предупредил о визите. Московские политические начальники с отцом общаться не рисковали, но и оставить его без присмотра боялись. Встречать отца отрядили директора телецентра Дмитрия Квока. Для лучшего обозрения отец прихватил подаренный ему когда-то немецким канцлером Конрадом Аденауэром восьмикратный бинокль. А вот фотоаппарат пришлось оставить дома, Жуковский предупредил: фотографировать Москву с башни строго запрещено.

Квок вспоминал впоследствии, как Никита Сергеевич выспрашивал его: помнят ли они, что именно он, Хрущев, взял на себя риск, поддержав бетонщиков? Квок, покрывив душой, заверил отца, что не забыли.

Обойдя башню вокруг, они втроем поднялись наверх, посидели в ресторане «Седьмое небо», выпили «Боржоми», после недавнего приступа панкреатита отец в рот не брал спиртного. Полюбовавшись на сверкавшую огнями Москву, гости попрощались с хозяином. Отец вернулся в Петрово-Дальнее, где ему отвели после отставки госдачу, довольный и одновременно немного грустный.